
Монстры
Батчер Джим

Монстры
Джим Батчер

Аннотация
Джим Батчер. МОНСТРЫ

Аннотация

Гудман Грей соглашается на работу для Джона Марконе — конкурирующий преступный картель открыл публичный дом для педофилов на территории Марконе вопреки его правилам и интересам.

Джим Батчер
МОНСТРЫ

Моя секретарша открыла дверь, наклонилась и что-то сказала.

Я скинул ноги со стола, вытер слюну с подбородка, потёр сонные глаза и произнес:

— Что?

— Я же сказала, что у нас посетитель. — произнесла Вити. Она была среднего роста, весьма привлекательна, и её тело дрожало от напряжения. — Он опасен.

— Ты всех считаешь опасными.

— Я считаю всех предателями, — поправила она меня. — Этот человек может тебя убить.

Я склонил голову набок и прищурился.

— А?

Она кивнула.

— Я не знаю, кто он. Но он точно из плохих парней, Грей.

Я вытер подбородок и немного поправил одежду.

— Что ж. Проводи его сюда.

— Ты уверен?

— Постарайся не убивать его, пока я не попрошу.

Вити бросила на меня обиженный взгляд, который показался мне незаслуженным, поджала губы и ушла. Я проводил её оценивающим взгля-

дом. У нас с Вити чисто деловые отношения, и всё-таки она в отличной форме.

А я ещё я понятия не имею, когда она вновь решит меня прикончить.

Всё сложно.

Я налил себе чашечку кофе из кофемашины Кюриг. Экологически чистой её не назовёшь, но то же касается, например, выращивания пищи. И дыхания. Если людям хочется повысить сложность той игры на выживание, в которой они участвуют, это их дело. Мне от этого не горячо и не холодно.

Меня зовут Гудман Грей, и я профессиональный монстр.

Человек, который вошёл ко мне в офис, излучал опасность. Среднего роста, среднего телосложения, превосходный костюм, сногсшибательная причёска. Осанка выдала в нём бывшего военного. Чуть заметный аромат оружейного масла говорил, что он был вооружён. Мы ещё не были знакомы, но я знал, кто он.

Каждый плохиш в Чикаго знал, кто такой «Джентльмен» Джон Марконе.

— Никаких головорезов? — спросил я, не поворачиваясь и продолжая готовить себе кофе. — Никаких телохранителей с того света? Никаких

девочек на побегушках из Вальхаллы?

Марконе глазами пробежался по моему офису и ответил:

— Мне сказали, ваша секретарша до зубов вооружена и начеку.

Он рассчитывал, что его узнают. Что ж, пожалуй, это логично, если речь идёт о Бароне Чикаго, хозяине его преступного мира.

— Приукрасили, — сказал я твёрдо. — Она зайка.

Марконе показал мне зубы:

— Вот как.

Широким жестом руки я указал ему на стул напротив моего стола. Он кивнул и сел.

— Кофе?

— Спасибо, не нужно.

Я плюхнулся обратно на своё место, подул в чашку и взглянул на него сквозь завесу поднимающегося пара.

— Что заставило вас обратиться в ООО «Монстр»?

— Дело, — ответил он. — Что вам известно о некой преступной группировке из Лос-Анджелеса?

— Восемнадцатая? — спросил я. — Или тринадцатая?

— Это важно?

Я пожал плечами.

— Она крупная, организованная, хорошо финансируется и чрезвычайно опасна, — сказал Марконе.

— Деловые партнёры? — спросил я.

Я вновь увидел его зубы:

— Иногда нам приходится сотрудничать.

— И что-то между вами не ладится?

— Они нарушили моё правило.

Я сделал глоток из своей чашки и на секунду задержал свой взгляд на Марконе.

— Никаких детей?

— Никаких детей, — ответил он и кивнул.

— И почему же они ещё не упакованы в контейнеры по частям и не едут почтовым поездом в Лос-Анджелес или куда-нибудь ещё?

Эти слова заставили его наклонить голову и смерить меня пристальным взглядом:

— Действовать моими обычными методами будет нецелесообразно.

— Почему же?

— В дело втянуты дети, — сказал он. — Шестерых нелегально ввезли из-за границы. Хотят организовать бордель.

— Ого, — сказал я и сделал ещё глоток кофе. —

И?

— Моё непосредственное вмешательство приведёт к конфронтации с вышестоящей организацией.

— Поджилки трясутся?

— Не особо. Но лишние заботы мне ни к чему. А привлекать Воинов Вальхаллы будет… не совсем уместно.

— Будто из ружья на слона мух бить, — согласился я.

— Именно. Но раз уж мои предупреждения насчёт неизвестной, непостижимой уму угрозы в той части города прошли мимо их ушей…

Он очень по-галльски пожал плечами.

— Ага, — сказал я. — Так значит, вам нужен агент сторонний? Или же очень осторожный.

— То и другое.

— Почему я? — спросил я.

Он развёл руками.

— Есть ещё один человек, к которому я мог бы обратиться. Но даже если бы он мне поверил и взялся за работу, он усложнил бы всё неимоверно. Уже через неделю началась бы война с Канадой. Не знаю, как.

— Ха, — сказал я. — Верно.

— Мне нужен профи. Вас очень рекомендо-

вали.

— Не люблю политику, — сказал я.

— О дипломатии речи не идёт. Случилась неприятность. Её нужно устранить.

— Почему я?

Он откинулся на спинку стула, сложил вместе кончики пальцев и взглянул на меня, спрятав за ними лицо.

— Потому что мне не нужны мёртвые дети в вечерней сводке. Это не идёт на пользу бизнесу.

Я вздохнул и посмотрел в свою чашку.

— Дети, значит.

— Это в ваших принципах, насколько я знаю.

— Цена вам известна?

— Я решил, что это шутка.

Я взирал на него безучастно.

Марконе, склонив голову, сказал:

— Прошу прощения.

Его рука опустилась в карман и достала оттуда один серебряный доллар. Он положил монету на мой стол.

— Почему доллар? — спросил он у меня.

— Плачу за Аренду, как все, — сказал я.

— Можно поинтересоваться, кому?

— Можно, — сказал я. — Где?

Он достал визитку из нагрудного кармана. На

одной её стороне был только телефонный номер. Адрес был написан лаконичным и аккуратным почерком на другой.

— Позвоните, когда всё будет сделано.

Он встал и повернулся к выходу, потом остановился.

— Вам и вашей секретарше, быть может, стоит чуть потише обсуждать возможные убийства. Не всем клиентам такое по душе.

— Честность — лучшая политика, — сказал я.

— Согласен, — ответил он. — Если загубите дело, в вашей жизни наступит чёрная полоса, обещаю.

— Справедливо, — сказал я. — Если вы мне лжёте, я приду за вами. Вас не спасут ваши Воины Вальхаллы. Не спасёт и ваша валькирия.

В этот раз он оскалился улыбаясь.

— Чудесно. Хорошего вам дня, мистер Грей.

На следующий день в четыре утра Вити привезла меня по адресу в своём Вольво. У этой машины, как она меня заверила, были самые высокие показатели безопасности в истории. На кузове не видно было ни пятнышка. Вити относилась к уходу за техникой как к религии.

— А районч ик ничего. Думала, будет хуже, — сказала она.

Мы остановились в спальном районе Ригливилла, у дома, который ничем не выделялся среди других домов. Охренеть. Ангелы охраняли ещё один такой же дом в трёх кварталах от нас.

Я задумался, а могли ли ангелы видеть оттуда, что творилось с детьми.

Вот в этом всё и дело. Ангела нельзя нанять. Иногда за работу берутся монстры.

— Трудно притащить какого-нибудь бизнесмена с его элитарными замашками в плохой район, — сказал я. — А такие занятия, если о них становится известно, одобрения, как правило, не вызывают. Даже у криминалитета. Так что окупить такие риски могут только люди с большими кошельками.

— Вот оно как. Мне их бизнес-модель виделась слегка в другом ключе, — сказала Вити. — С большей, но не столь обеспеченной клиентской базой.

— Бедняки пусть развлекаются сами, — сказал я, изучая здание.

На окнах стояли изящные решётки. Не такое уж редкое зрелище в этой части города. Но мало у кого были ещё и наглухо задёрнуты все шторы.

— Парадная дверь прочная, — сказала она. — С чёрного хода, скорее всего, тоже укреплена.

Несколько камер с линзами «рыбий глаз» расставлены по периметру снаружи.

Она взяла планшет и стилус, с которым можно было не оставлять отпечатки пальцев на экране, а потом включила девайс.

— Беспроводная система.

— В таком месте камеры должны стоять и в комнатах, — сказал я. — Покажи мне всё, что сможешь найти. Неплохо было бы знать, сколько плохих парней внутри и через какие стены не опасно будет проломиться.

— Я убила всех, с кем училась в одном классе, — рассеянно проговорила Вити, постукивая по экрану. — Как-то раз я смотрела, как ты пытал человека до смерти.

— Ты пыталась выжить, — ответил я. — А тот ублюдок заслужил. Что ты хочешь сказать?

— Мы не плохие парни?

— Мы не плохие парни, — сказал я.

— И каким же образом после этого мы не «плохие парни»? — спросила Вити. — Объясни-ка ещё разок.

— Если так будет проще, — сказал я, — можешь считать нас парнями похуже.

Она оторвалась от планшета, стукнула стилусом об уголок и нахмурилась, глядя на меня.

— В смысле?

— Плохо будет встретить тех парней в тёмном переулке, — сказал я. — Наткнуться на тебя или на меня будет хуже.

— Такой моральной установки я ещё не встречала, — сказала она. — Теория Тёмного переулка. Непрямое следствие из неё — любому в переулке, кто не является в какой-либо степени плохим, приходится быть жертвой.

— Это не теория, — ответил я. — Скажи мне, сколько в доме жертв. Считай, что дети — не враг и не могут стать мишенями.

Вити нахмурилась.

— Недальновидно.

Я вздохнул.

— Пожалуйста, сделай, как я прошу.

— Ты слишком доверчивый, Грей, — сказала Вити.

Она стала работать с полудюжиной программ у себя на планшете. С компьютерами я на «вы», не считая игровых приставок. Вот с ними у меня всё отлично. Но Вити, вероятно, знала о компьютерных системах безопасности достаточно, чтобы быть брошенной в одну из множества холодных тёмных ям в самых разных частях света — из чистого принципа.

— Господи, её купили в магазине, — сказала она. — Кто берёт себе систему безопасности в Бест-Бае?

— Покажи.

Вити повернула планшет ко мне и залезла в потайное отделение в дверце со стороны водителя, скривив губы в отвращении. Я взял планшет в руки и изучил чёрно-белую запись с камер. Изображение было на удивление чётким. Понятное дело, получить фотографии клиентов в хорошем качестве вполне стоило лишних вложений. Легче будет ими манипулировать.

Я пробежал глазами несколько других камер, также расставленных по всему дому. Почти всё, что происходило внутри, было на них видно, и почти наверняка картинку получали не только увальни в доме.

— Будет непросто, — сказал я. — Вариант войти и просто забрать детей отпадает, если только я не горю желанием в одиночку объявить всей их организации войну.

Вити не сводила с меня глаз долгую секунду, прежде чем спросила:

— А ты горишь?

— Не-а, — ответил я. — На это уйдёт целая вечность, и на нагретое местечко тут же сядет

кто-нибудь другой. Я наёмник, не рыцарь на белом коне. Речь шла только об этих детях.

Я видел их на экране. Четверо лежали в кровати. Ещё двое детей сидели за столом на кухне и с усталым видом завтракали в полусне. Кто-то из клиентов, видимо, не дождался рабочего дня. На вид всем было лет одиннадцать или двенадцать.

Да. Ноль причин усложнять себе жизнь и оставлять кого-то в живых.

Один парень сидел за мониторами, один сторожил парадный вход, другой — чёрный, и ещё один смотрел за детьми. На виду лежало автоматическое оружие. Им явно нравились «Узи». Все они были одеты в строгие костюмы, но татуировки и стрижки ясно давали понять, кто эти ребята.

Я вернул планшет Вити. Она уже вынула салфетку из пачки в двери и с фанатичной тщательностью стала его протирать, прежде чем снова взяться за стилус. Ещё немного побарабанив по экрану, она сказала:

— В сотне футов от нас[1] есть трансформатор, который я могу отключить. Электричество должно вырубиться.

— У них запустится генератор, — сказал я.

---

[1] Примечания: 1

То есть в 30 метрах — здесь и далее *прим. пер.*

— Даже если он включится сразу, компьютерам нужно будет перезагрузиться, — сказала она. — Появится окно.

— Если они работают вместе с остальными, кто-нибудь из их организации узнает, что электричества нет, — сказал я. — Они вышлют сюда своих людей.

Вити немного просветлела.

— Думаешь, они настолько профи?

— Если «Барон» Марконе не хочет с ними ссориться, то есть все шансы.

Вити опустила планшет и выглянула на улицу.

— Неплохая позиция для стрельбы.

— Лишние пострадавшие мне не нужны, — сказал я. — Тут живут люди.

— А. Точно. Люди, — Вити нахмурилась, глядя на дома вокруг, будто в них и была вся проблема. — Постоянно забываю.

— Можешь сделать мне хорошее чёткое фото кого-нибудь из них? — попросил я.

Она снова погрузилась в работу и мгновением позже сделала мне хороший снимок гангстера вполоборота у задней двери. Ещё секунду она возилась с изображением, чтобы чуть понятнее было положение косточек в его лице, и потом показала фотографию мне.

Секунду я внимательно её рассматривал, фиксируя в памяти. Я давно уже привык запоминать детали и хранить их в голове столько, сколько будет нужно.

— Хорошо, — сказал я. — Подвези меня до перекрёстка. Я зайду. Ты вырубишь трансформатор. Потом сиди снаружи, не высовывайся и прикрывай меня.

Я открыл бардачок, вынул оттуда пластиковый чехол, нажал на кнопку включения наушника и сунул его в ухо, передавая чехол Вити. Она взяла и надела свой наушник. Они пахли стерилизующим средством. Вити чистила их до и после каждого использования. Мы быстро их проверили и были готовы.

Она остановила Вольво у перекрёстка и высадила меня, я вышел на укрытый от солнца тротуар в тени деревьев. На мне были брюки и строгая рубашка, потому что они вполне вписывались в городской ландшафт, а на ходу я думал о лице того клоуна у чёрного хода.

Потом отработанным действием я принялся двигать кости своего лица на нужные места и менять очертания своих рта, носа и глаз, пока не стал достаточно на него похож, чтобы на первый взгляд было не заметить разницы. Без кучи

других фотографий или образца его крови сделать лучше я не мог, но и этого было достаточно, чтобы его матушка не смогла бы отличить, не всматриваясь.

Ой, я не говорил? Я перевёртыш. Можно считать это моей способностью. Когда я сказал Марконе, что сумею обойти его систему безопасности, я шутки не шутил.

Когда я был в десяти футах[2] от границы участка, где стоял дом, раздались кашляющий звук, громкое клацанье, и вслед за ними сразу — впечатляющие треск, рычащий звук и вспышка ярко-голубого света, чётко высветившая крыши ригливиллских домов.

Потом свет погас.

И я подошёл прямо к парадному входу и постучал.

Я услышал, как охранник поднялся со стула. Дом был со звукоизоляцией, но я не человек. Я слышал, как он дослал патрон в патронник своего «Узи» и встал.

— Кто это, мать вашу? — спросил он, на испанском, если кому-то интересно.

— Это я, мужик, открой, — ответил я на том же

---

[2] Примечания: 2
В 3 метрах.

языке так монотонно, как только смог.

Дверь слегка приоткрылась внутрь, в лицо мне ударил свет фонарика. Я поднял вверх пустые руки и сказал:

— Какого хрена?

Охранник застыл в нерешительности.

— Ты как здесь ока…

Я не дал ему договорить. Как только я понял, что в мыслях у него уже нет целиться в меня, и он, возможно, не держит палец на спусковом крючке, я вмазал по двери коленом.

Я не человек. Мои мышцы работают не так, как человеческие мышцы. Покрутил у себя нужные гайки. Я, конечно, не Геракл, но вам явно не захочется тягаться со мной в армреслинге, если вы не профи. Потеряете руку.

Стальная бронированная дверь своим весом особенно сильно давила на дверные петли. Она врезалась в него, словно маленький грузовик, и он рухнул назад.

Я оказался рядом раньше, чем его спина коснулась пола, вдавливая ребро своей ладони в его гортань. Я расплющил его глотку, ладонью выбил «Узи» из его ошеломлённых рук и двинулся дальше, не останавливаясь и не оглядываясь, пока его тело пыталось вспомнить, как дышать.

Я расширил свои зрачки значительно больше, чем смог бы обычный человек, и тусклый свет, едва льющийся снаружи, с улицы, превратил кромешную тьму в паутину неясных очертаний. Я тихо двигался дальше и увидел свет от фонарика на пистолете у второго охранника, отражавшийся от стен в дальних комнатах задней части дома.

Я проскользнул в помещение, оказавшееся ванной в коридоре, и затаился. Я мог слышать грубое дыхание охранника, чьё лицо я в общих чертах позаимствовал, стук его ботинок по полу; чувствовать запах его дешёвого одеколона. Ещё я мог слышать, как коченело тело убитого. В горле у него громко булькало, а его каблуки вяло барабанили по полу.

Второй охранник подошёл настолько близко, что я смог дотянуться и выхватить «Узи» у него из рук. Я отшвырнул оружие в сторону и пробил им стенку из гипсокартона.

Он ответил быстро и умело. Нож был у него в руках раньше, чем я вышел из дверного проёма и ударил, пересилив его напор. Он вонзил его в мои рёбра с полдюжины раз за три секунды. В это время я пихнул левую руку ему в рот, правой дёрнул в сторону его левую руку и ударил его

кулаком в висок, словно молотом.

В этом месте человеческий череп весьма хрупок.

Его треснул.

Я оставил тело там, где оно лежало, встал и пошёл в сторону кухни. Весь мой левый бок пылал. Я вынул нож и небрежно взялся за него левой рукой. Усилием, для которого пришлось стиснуть зубы, я заставил пролившуюся кровь вернуться обратно в раны, а плоть вскипеть, уплотниться и начать затягиваться. Через пять минут вы бы и не заметили, что кто-то меня пырнул.

А пока что будет чертовски больно, и нет времени медлить.

«Грей», — раздался голос Вити в наушнике. Она была спокойна. — «В подвале только что загорелись фонарики. Как минимум два. Я захожу».

Я не ответил. Вити пережила обучение по программе, в конце которой её участникам нужно было друг друга убить. У неё талант. С ней всё будет нормально.

Я думал о детях.

Дверь на кухню открылась, и появился охранник с маленьким фонариком в одной руке и с пистолетом в другой.

— Какого хрена? — выпалил он. — Что тут

было?

— Он намочил штаны, когда вырубился свет, — сказал я презрительно.

Третий охранник чуть приопустил пушку и начал было отвечать, но этим движением он направил свет на мою залитую кровью рубашку. Его глаза округлились, когда он понял, что что-то не так.

Я бросил нож ему в голову. Он не полетел остриём вперёд, как это бывает в фильмах. Но это всё ещё был целый фунт[3] стали, и я вложил приличную силу в бросок. Он упал, ошеломлённый, и я успел навалиться на него, прежде чем он коснулся пола. Я схватил его пистолет и развернул в сторону от себя. Он выстрелил несколько раз, и я сумел направить пули в сторону холодильника. Я стал бить пистолетом по полу, пока не сломал ему пальцы, а потом забил им охранника до смерти. Зрелище было не для слабонервных.

Как я и говорил. Профессиональный монстр.

Его фонарик покатился по полу и бросил свет на двух детей. На них были большие футболки, и ничего больше. Они съехали со стульев и изо всех сил старались спрятаться под стол.

---

[3] Примечания: 3
0.45 кг.

— Привет, ребята, — сказал я. — Знаете английский?

Они оба молча таращилась на меня.

— Говорите по-испански? — спросил я, тоже на испанском.

Они кивнули. На лице у них не было испуга. Они были похожи на диких котят: сидели настороженно, искали, как бы им сбежать. Слишком много с ними случилось, чтобы можно было ждать нормальной реакции.

Я уже жалел, что пришлось так быстро прикончить тех ублюдков.

— Ну что, ребята, хотите отсюда выбраться? — спросил я.

Они обменялись взглядами друг с другом. Один был мальчик, другая — девочка. Девочка снова посмотрела на меня и кивнула.

— Ты странно выговариваешь слова, — сказала она.

— Я очень давно выучился по-испански, — ответил я.

Ботинки застучали по ступеням. Дверь в коридор распахнулась, и трое мужчин вышли из подвала — полуодетые, спросонья, с оружием в руках.

Из дальнего конца дома раздался звук: «Тра-та-

та-та-та-та-та».

Все трое бессильно повалились на пол. Их тела затихли очень быстро, у каждого в черепе виднелась пара маленьких аккуратных дырочек. Небольшой очереди из двадцать второго калибра хватает ускорения, чтобы с небольшого расстояния пробить человеческий череп, если знать, куда стрелять, но импульс слишком мал, чтобы пуля могла выйти с другой стороны. Она просто летает внутри, пару секунд от стенки к стенке.

Вити вышла из тени позади них, вынимая полупустой магазин из кольта «Woodsman» с навинченным глушителем. У этой женщины не все дома — но я ещё не видел ни одного человека, который стрелял бы лучше, чем она. Вити вставила новый магазин и сказала:

— Время поджимает.

За домом что-то затрещало, как газонокосилка, и снова загорелся свет.

— Отличная работа, — сказал я. — Отведи их в машину. Я пойду наверх за остальными.

Вити навела пистолет на детей, те вздрогнули.

— Вити! — сказал я. — Они дети!

— Значит, они просто цели поменьше, — сказала она. Её тон сменился на приказной, и она заговорила на ломаном испанском, чётко выго-

варивая слова:

— Вы двое. Только пискните, я вас пристрелю.

Оба ребёнка взглянули на меня округлившимися глазами.

— Мы хорошие парни, — объяснил я им.

— Не хорошие, — возразила Вити на английском. — Мы только что это обсуждали. Зачем ты всё усложняешь?

Времени на препирательства не оставалось. Я смерил её взглядом, вздрагивая от боли в боку, и сказал раздражённо:

— Идите с ней, ребята. Слушайтесь её, и всё будет в порядке. Вити, поговорим об этом потом. И поедут они на заднем сиденье, не в багажнике.

Вити издала сердитый звук и подняла упавший фонарик.

— Ладно, — она помахала пистолетом. — Пошли, живо.

И дети пошли. Моя секретарша конвоировала их вон из рабства под дулом пистолета.

— ООО «Монстр». Мы не лапочки, но результат гарантируем, — пробормотал я.

«Нужно печатать это на визитках», — очень официальным тоном сказала Вити в моём наушнике.

— Слишком правдиво для рекламы, — ответил

я и пошёл в сторону лестницы на второй этаж, туда, где комната с мониторами и… спальное помещение, если можно так выразиться, ждали меня.

Я стал на носочках подниматься по лестнице, а носки ставил на самый край ступеней ближе к стене, стараясь издавать как можно меньше скрипа. Двигался быстро. Лестничные пролёты — отличный шанс схлопотать пулю, а мне не очень-то этого хотелось. Я был полностью готов к тому, что четвёртый охранник выскочит и станет нашпиговывать меня свинцом — но я поднялся без проблем.

На втором этаже было несколько комнат для общения с клиентами, комната охраны, ванная и дверь в спальню на замке и с решёткой.

Решётка была распахнута, но дверь — всё ещё закрыта.

Дверь в комнату с мониторами была открыта. Я заглянул. Пусто.

Я просмотрел мониторы. Компьютеры в комнате только теперь заканчивали перезагружаться. Ещё несколько секунд, и снова пойдёт запись, но раз Вити скрылась вовремя, а на мне было лицо одного из бандитов, на этот счёт я не беспокоился.

Внезапно из динамика одного из компьютеров заговорил по-английски чей-то электронный голос: «Эй ты, урод».

Я нахмурился и оглянулся, прежде чем поближе приглядеться к источнику звука.

На мониторе вновь появилось изображение, и я с ракурса установленной там камеры всмотрелся в спальную комнату, где были дети и куда, судя по всему, только что ушёл четвёртый охранник. В этот момент он стоял посреди комнаты и глядел в камеру.

Он лил бензин из пластиковой канистры на пол рядом с кроватями, где спали дети. На моих глазах он отшвырнул пустую баклагу, выхватил из кармана зажигалку, чиркнул ей, зажигая пламя, и поднял её над головой.

— Эй, урод! Слышишь меня? Там где изображение с камеры, в уголке внизу есть иконка переговорного устройства. Кликни на неё.

Я нажал и сказал:

— Вижу тебя.

— Я видел, как твоя подельница только что вывела детей наружу, — сказал он. — Ты пойдёшь за ней. Полезай в сраную тачку и катись отсюда. Я буду смотреть на вас из окна.

— Ах вот как? — спросил я.

— Только попробуй шутки, нахрен, шутить! — закричал охранник, скорее выплёвывая, чем выговаривая слова. — Думаешь, я смерти боюсь?! Я спалю живьём этих мелких ублюдков, если будешь, нахрен, прикалываться!

Я понял: он паниковал, был в отчаянии, и сжечь живьём тех детей ему было бы не сложнее, чем раздавить насекомое. Ещё ему хватило мозгов, чтобы сообразить, что дела его были плохи. Да, для детей расклад был так себе.

Но там, где нужно было одно предложение, он сказал три. Любитель поболтать. С этим можно работать.

— Значит, ты у нас крутой, да? — спросил я.

Он тут же завёлся, снова стал кричать в камеру. В этой комнате звукоизоляция была отличная. Слышно было только через монитор.

Не обращая внимания на его вопли я присмотрелся к положению охранника в комнате. Потом развернулся и быстро зашагал по коридору в переговорную за соседней от спальни стенкой. Там я осмотрелся, коснулся стены в нужной мне точке, потом перешёл в другое место, чтобы ничего не мешалось, не отводя при этом руки от невидимой точки, пока через монитор дальше по коридору на меня продолжали сыпаться проклятья.

Тогда я забросил порцию адреналина себе в кровоток. Приятный бонус для перевёртыша — возможность контролировать все те процессы, которые в норме должны происходить сами по себе.

В этот же момент я запустил другое изменение.

Время словно бы замедлилось. В комнате, пусть она освещалась лишь из коридора и комнаты с мониторами, стало так светло, что едва можно было это вынести. Моё сердце забилось очень быстро, так, что зрение едва ли не пульсировало с ним в такт. Температура моего тела почти сразу подскочила до ста десяти градусов по Фаренгейту[4].

И я изменился.

Я извлёк массу из нематериального мира, и моё тело скрутилось, изогнулось, набухло. Пусть в действительности на это ушла самое большее секунда, для меня она тянулась так долго, что можно было пасьянс разложить. Боль, как от ожогов, пронзила моё тело, когда мой разум сказал ему, что делать. Одежда порвалась и разъехалась. Мышцы распухли, задвигались и завязались в

---

[4] Примечания: 4
43.3°.

узлы от жестоких спазмов. Сухожилия вытянулись и взвизгнули. Связки криво изогнулись и расправились, принимая новую форму. Кожа натянулась, порвалась и вновь срослась, а потом вся, как сыпью, пошла нестерпимым зудом, извергая из себя волосы.

Больнее всего изменять руки, ноги и лицо. Не знаю, почему, может быть, оттого, что они такие особенные, так не похожи на чьи-то ещё — такие человеческие. От вывихнутой челюсти всегда оставались не самые приятные ощущения, но нужно было как-то уместить на ней все зубы. Мой череп сместился, а спина выгнулась, щёлкнув в нескольких местах. Мои руки вытянулись, кулаки со скрипом раздулись и захрустели, а ногти загнулись и затвердели, сделавшись цепкими когтями.

Лицо — далеко не единственная часть тела, которую я способен изменять. Я не говорил? Животные. Монстры. Всё, что я могу себе представить. ООО «Монстр». Берёте одного монстра, получаете всех. Таких предложений вы в Уол-Марте не найдёте.

Господи, как же мне нравится животный организм. Есть в его движениях ощущение чистейшей радости, недоступное человеку. Слишком вы жал-

кие в физическом плане. Та сила, которую может дать тело животного, та скорость, координация — ни в какое сравнение не идёт.

Эй, а знаете, как бенгальский тигр весом девятьсот фунтов[5] входит в закрытую комнату?

Да как он, блин, захочет.

Я прошёл через гипсокартон и изоляцию между комнатами так же легко, как танцор выпрыгивает из торта.

Мой рык — взрыв похожего на кашель чистого звука — врезался в охранника, как дубина. Он пошатнулся, рычание заставило его колени подогнуться, на лице у него отразился шок.

Удар лапы-кувалды выбил зажигалку у него из рук и отправил её в полёт через одно из окон за решёткой.

Большая часть его руки исчезла там же. Охранник с криком рухнул на пол.

Угрожал сжечь детей.

Я бросился на него, придавил и стиснул когтями на задних лапах. «Смертью от тысячи порезов»[6] тут и не пахло. Ему хватило сотни, ста двадцати, не больше.

---

[5] Примечания: 5
403,2 кг.

[6] Примечания: 6
Вид казни в Китае.

В человеческом теле я провёл больше времени, чем в любом другом; как правило, мне с моим образом жизни так удобнее. Теперь, возвращаясь к нему, я чувствовал себя натянутой резинкой, которую вновь ослабили до обычного дряблого состояния. Пар и эктоплазма потоками ринулись прочь от меня, вся моя лишняя масса слезла в виде чистого желатина, который испарится быстрее любой воды, а я сделал шаг из-под его завесы и сдёрнул пропитанную бензином простыню с одной из кроватей, заворачиваясь в неё. Незачем детям лишние потрясения.

Какое-то время пришлось потратить на разговоры, но я вывел их из дома. Я усадил их в машину Вити. Сам ехал в багажнике.

Потом я застыл и оглянулся назад, в сторону дома.

— Поезжай в офис, — сказал я. — Встретимся там.

Вити нахмурилась и сказала:

— Не задерживайся. Подкрепление будет здесь с минуты на минуту.

— Не буду, — обещал я. — Чтобы покончить с этим, нужно сделать кое-что ещё.

Вити наклонила голову.

— Дам тебе домашнее задание.

Вити улыбнулась.

Следующим днём Марконе со своей телохранительницей, тупой дылдой из Воинов Вальхаллы, завтракал в дорогом бистро на одной из улиц Голд-Кост, когда я позвонил по оставленному им номеру.

Он взял сотовый со стола и ответил.

— Марконе.

— Грей, — сказал я. — Дело сделано.

— Видел в новостях, — сказал он. — Вы были весьма прямолинейны.

— Вас всё устроило?

— Да.

— Тогда вам понравится вот это, — сказал я и отправил ему несколько изображений.

Из ещё одного бистро на другой стороне улицы, с телом и лицом, совсем не похожими на мои, я наблюдал, как Марконе разглядывал фотографии.

Изображений было шесть: три влиятельных адвоката, глава корпорации, член городского муниципалитета и скандальный религиозно-политический деятель. На всех фотографиях было одно и то же: вид сверху на мёртвое тело с маленькими аккуратными дырочками в висках. На груди каждого из трупов лежали напечатанные

на принтере фото убитого, насилующего кого-то из детей.

Долгую секунду Марконе изучал изображения. На его лице не промелькнуло ни тени эмоций. Потом он снова взял трубку.

— Откуда у вас эти фото?

— Запись с камер наблюдения в борделе, — ответил я.

— Эти люди представляли из себя актив.

— Эти люди были рынком сбыта, которому требовался поставщик, — сказал я. — Не убрав их, вашу проблему нельзя было бы решить окончательно.

Лицо Марконе ничего не выражало. После короткой паузы он сказал:

— Данное действие можно было бы расценить как удар по моим интересам, мистер Грей.

Я бросил на него беглый взгляд и усмехнулся:

— Не-а. Вы не знали, что они педофилы, верно? Иначе они на вас бы не работали.

— И всё же это были мои люди. Их потеря — это масса усилий, которые необходимо будет вкладывать заново.

— Советую вам считать стакан наполовину полным, — ответил я. — Вы потеряли лишь пассивный капитал. Ваши конкуренты уже по-

лучили на них компромат — те фотографии. Вероятно, на это они и рассчитывали изначально. Я сэкономил вам несколько лет головных болей и утечек информации.

— Вы играете с огнём, мистер Грей.

— Так поступать нельзя, — сказал я. — Омлет выглядит вкусно. Но грейпфрутовый сок?

Лицо Марконе побледнело. Его глаза стали бегать взад и вперёд вдоль улицы.

— Увидимся, «Барон», — сказал я, растягивая слова.

Я допил кофе, оставил на столе одноразовый мобильный, встал и вышел.

Моё лицо было лишь одним из миллионов случайных лиц. Глаза Марконе меня не заметили.

Разве они могли?

Я вошёл в офис, где на надувных матрасах мы оставили детей на ночь. У входа, где стоял стол Вити, места осталось совсем немного. Она сидела за ним с измождённым видом.

Я слышал, как дети у меня в офисе возбуждённо разговаривали на испанском. Там есть большой телевизор на случай, если мне захочется посмотреть новости, — что бывает редко — и Иксбокс, чтобы усердно думать над очень важными рабочими вопросами, что бывает постоянно. В этом

отношении я большой любитель повалять дурака. Дети следовали моему примеру.

— Грей, — сказала Вити, когда я вошёл. — Это просто кошмар. Я уволюсь. Серьёзно.

— Держать их здесь не входило в мои планы, — ответил я.

Она положила руку на телефон.

— Могу позвонить в полицию.

— Ага, после всего, что они пережили, выдадим их властям, — я покачал головой. — Мне кажется, есть варианты получше.

Потом я оскалился. У меня была старомодная бумажная вращающаяся картотека. Я стал её перебирать, нашёл нужную карту и сказал Вити:

— Вот. Позвони.

Вити нахмурилась, увидев номер.

— Думаешь, это мудрое решение?

— Смеёшься что ли, — сказал я. — Будет весело.

Она вздохнула, пристально глядя на меня. Потом она сказала:

— Почему ты им помогаешь, Грей?

— Чтобы платить за Аренду, — ответил я.

Она нахмурилась.

— Нет. Ты уже заработал на год вперёд.

Я нахмурился ей в ответ. Потом я сказал:

— Ты помнишь, как была ребёнком? Чувство-

вала себя беспомощной?

Кто-нибудь, не знавший её хорошенько, то есть любой, кроме меня, не заметил бы тьму, закравшуюся на самое дно её глаз.

— Да.

— И я помню, — сказал я. — Неплохо бы положить этому конец.

Её брови сурово нависли.

— Месть?

— Когда я был ребёнком, — сказал я, — у меня многое забрали. Может быть, помогая тем детям, я беру что-то назад.

Вити покачала головой:

— Я не понимаю.

— Будь со мной, — сказал я. — Если повезёт, однажды ты поймёшь.

Я положил свою руку на стол рядом с её рукой достаточно близко, чтобы почувствовать тепло её кожи, не коснувшись её, и сказал:

— Ты молодец.

Она нерешительно кивнула и чуть заметно мне улыбнулась. Я кивнул ей в ответ. Потом я отправился в офис, чтобы поиграть с детьми в видеоигры, пока не примчалась кавалерия.

Я слышал, как Вити сделала звонок.

— ООО «Монстр» хочет поговорить с Гарри Дрез-

деном, — сказала она. — Пожалуйста, передайте ему, что есть дети, которым нужна его помощь.